

ОТНОШЕНИЕ К ЧЕЛОВЕКУ В ОФИЦИАЛЬНОЙ СОВЕТСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ КОНЦА 1920-Х – НАЧАЛА 1950-Х ГГ.: КОНСТРУИРОВАНИЕ ГЕРОЯ И МОБИЛИЗАЦИЯ МАСС*

Ирина Борисовна Фан,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия,
Irina-fan@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 15.07.2022, принята к публикации 02.11.2022

Для цитирования: Фан И.Б. Отношение к человеку в официальной советской политической культуре конца 1920-х – начала 1950-х гг.: конструирование героя и мобилизация масс // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. № 4. С. 30–47. https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_4_30

Аннотация

Статья посвящена исследованию содержания политической культуры сталинской эпохи, которое определяется противоречием между декларируемым идеалом человека и действительным отношением к массовому индивиду. Цель работы – представить направленность, способы, механизмы и функции конструирования такого идеала (героя как образца для идентификации) в искусстве, культуре, государственной культурной политике, направленной на производство массового индивида как сознательного коммуниста, а фактически дешёвую военную или рабочую силу. Методология исследования опирается на социологию знания П. Бергера и Т. Лукмана,

* Исследование выполнено в рамках проекта «Специфика конструирования гражданственности в 1920–2010-х гг. на материале публичных парковых пространств г. Свердловска/Екатеринбурга» при поддержке РФФИ, грант № 20-411-660005.

© Фан И.Б., 2022

анализирующую социальную соотносительность знания и социальной реальности, смысла и объективности. Автором обобщены принципы конструирования произведений советского искусства, составляющих канон социалистического реализма. Художественная литература помогает выявить скрытый смысл политической культуры в целом: культивирование героя означает обесценивание рядового индивида, способствующее эффективному его использованию для любых целей. В ходе исследования установлено, что результатом сталинского этапа культурной революции стала трансформация официальной политической культуры в социальный конструктор, производящий героев в целях воспитания советского человека. Такой тип обладает нужным партии и государству набором морально-политических качеств – коммунистической сознательностью, дисциплинированностью, коллективностью, патриотизмом, способностью к самопожертвованию и т. п. Но поскольку в процессе функционирования сталинской политической культуры как конструктора не учитывалась повседневная реальность, условия существования, потребности и интересы массового индивида, ее фактическим конечным продуктом стал амбивалентный советский человек. Последний составляет наследие, сохраняющее определенное значение в нынешней России.

Ключевые слова:

социальное конструирование, политическая культура, сталинская эпоха, культурная революция, идеология, коммунистическая сознательность, политическая мифология, пропаганда, риторика, советский человек, гражданственность.

UDC 321

DOI: 10.17506/18179568_2022_19_4_30

THE ATTITUDE TOWARDS MAN IN THE OFFICIAL SOVIET POLITICAL CULTURE OF THE LATE 1920S – EARLY 1950S: THE CONSTRUCTION OF A HERO AND THE MOBILIZATION OF THE MASSES**

Irina B. Fan,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
Irina-fan@yandex.ru

Article received on July 15, 2022, accepted on November 2, 2022

** The study is carried out within the framework of the project “The specifics of the construction of citizenship in the 1920–2010s based on the material of public park spaces in Sverdlovsk/Yekaterinburg” with the support of the Russian Foundation for Basic Research, grant No. 20-411-660005.

For citation: Fan, I. B. (2022). The Attitude towards Man in the Official Soviet Political Culture of the Late 1920s – Early 1950s: The Construction of a Hero and the Mobilization of the Masses. *Discourse-P*, 19(4), 30–47. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_4_30

Abstract

The article examines the content of the political culture of the Stalin era, which was determined by the contradiction between the declared ideal of a person and the actual attitude to the mass individual. The purpose of the study is to present the direction, methods, mechanisms, and functions of constructing such an ideal (a hero as a model for identification) in art, culture, and state cultural policy aimed at producing a mass individual as a conscious communist and in fact cheap military or labor force. The research methodology is based on the sociology of knowledge by P. Berger and T. Luckmann, analyzing the social correlation of knowledge and social reality, meaning, and objectivity. The author of the article summarizes the Soviet art construction principles that make up the canon of socialist realism. Fiction helps to reveal the hidden meaning of political culture as a whole: cultivating a hero means devaluing an ordinary individual, contributing to its effective use for any purpose. The study found that the result of the Stalinist stage of the cultural revolution was the transformation of the official, state political culture into a social constructor producing heroes in order to educate the Soviet man. Such a type of mass individual possesses a set of moral and political qualities that the party and the state need – communist consciousness, discipline, collectivity, patriotism, the ability to self-sacrifice, etc. However, while the functioning of the Stalinist political culture as a constructor, everyday reality, conditions of existence, needs, and interests of the mass individual were not taken into account, the ambivalent Soviet man became its actual end product being a heritage that retains a certain significance in today's Russia.

Keywords:

social construction, political culture, Stalin era, cultural revolution, ideology, communist consciousness, political mythology, propaganda, rhetoric, Soviet man, civic consciousness.

Введение

Воспроизводство советской политической культуры в сознании россиян и советского человека как распространенного социального типа оказывает многостороннее воздействие на состояние современного российского общества. Причины этого, на наш взгляд, связаны не только с традициями государственного управления, но и с воспроизводством скрытого содержания сталинской политической культуры. Последнее определяется противоречием публично-декларативного, риторического и реального в отношении государственной власти к российскому населению и населения к власти. Речь о слепых зонах данной культуры, являющихся исторически инвариантными. Что скрывала

сталинская политическая культура и искусство, выражающее ее смысл, за сконструированным ею по заказу государства идеалом человека-героя, каково было действительное отношение власти к реальному массовому индивиду? На какой реальный политико-правовой статус советского гражданина ориентировалась государственная политика? Можно ли сталинскую политическую культуру рассматривать как определенный тип гражданственности?

Существует обширная научная литература об исторических, политических, культурных, психологических и иных аспектах отношения к человеку в сталинскую эпоху 1930–1950-х гг. Проанализированы этапы эволюции большевистского проекта нового мира и нового человека (Поршнева, 2017). Радикальный пересмотр марксистской теории и идеологии (например, разработка теории построения социализма в отдельно взятой стране), а также риторизация марксизма оценены как конец, перерождение (термидор) или похороны большевистского проекта, приведшие к обесцениванию человека (Колеров, 2017; Кур-Королев, 2011; Никандров, 2020). Изучено влияние характера Российской империи на распространение общественных ожиданий возврата к дореволюционным порядкам, на процесс реализации большевистского проекта нового человека и модернизацию общества (Баранов, 2017; Ланца, 2017; Эткин, 2014). Описан процесс целенаправленного создания Сталиным идеологической конструкции преемственности СССР и Российской самодержавной империи, а также скрыто – преемственности власти русских самодержцев и главы всенародного социалистического государства (Никандров, 2020). Исследовано определяющее значение сталинизма для генезиса, существования и исторической трансформации советского как системы (Скоробогачкий, 2021). Сталинизм рассматривается как следствие гибели утопии, ее редукции к новой официальной мифологии и политической риторике, а также как система репрессивных механизмов и технологий управления, направленных на мобилизацию масс (Садовский, 2017). Фиксируется переход сталинской власти к Большому террору как главному способу управления и средству перековки человека (Калинин, 2012). «Великий перелом» (насильственная коллективизация, индустриализация, режим политических репрессий) был реакцией власти на разочарования и ожидания масс. Строительство СССР стало восстановлением империи и старого, имперского человека, но на иной идеологической основе.

Показана роль практик выживания в годы Гражданской войны для конструирования институциональных, поведенческих, ментальных механизмов функционирования советского общества и человека (Нарский, 2001). Осуществлен анализ структуры и семантики «советскости» и советского человека как «культурно-антропологического типа, возникшего в ходе исторической и цивилизационной катастрофы и являющего собой способ выживания массового человека в исключительных условиях»; структура советского человека как типа определена как «функциональное единство идеологии и стратегии выживания», основу данного единства составляло «стремление к власти как сверхценности советской цивилизации» (Скоробогачкий, 2014, с. 236–237). Нравоучительно-дидактическая направленность советской цивилизации воплощена в образе лагеря (исправительно-трудовой колонии) как «соединения тюрьмы со школой» для трудновоспитуемых «детей», где воспитанию, пере-

делке «буржуазного человека» в «нового человека, или коммуниста», предшествует наказание (Синявский, 2002, с. 157).

Объективная картина советской действительности с позиций социальной, экономической, культуральной, антропологической истории, а также исследования советской повседневности и других подходов представлена во множестве работ. Особенности советской системы управления как механизма мобилизации и перераспределения ресурсов (ход и последствия сталинской индустриализации, закрепощение населения в СССР, неправовой характер государства, уравниловка, взяточничество, дефициты и т. д.) проанализированы А. П. Прохоровым (2013). Детально описаны такие явления обычной советской жизни, как советское предприятие, распределение и рынок, коммунальная квартира, очередь, искусство приспособления и т. д. (Журавлев, 2004; Козлова, 1996; Осокина, 1999).

С точки зрения политической психологии, культура сталинской эпохи характеризуется как реакция на постреволюционную фрустрацию – депрессии и агрессивные настроения масс. Психодинамика данного времени определялась «симбиозом агрессии и смирения», который и обеспечивал «перверсию утопии в традицию» (Булдаков, 2012, с. 718). Раздражение в связи с социальными потрясениями, желание порядка, императивы выживания со стороны населения и политика усиления государства и органов принуждения со стороны партийной номенклатуры привели к иллюзорному упованию масс на сверхчеловеческие образы вождей, концентрирующих власть. «Революционная утопия выродилась в традиционную утопию власти в лице единоличной диктатуры» (с. 722). Система идеологического воздействия, пропаганды, агитации, политического контроля, политизация повседневного языка и досуга, вовлечение в новые политические праздники и ритуалы, символическая политика советской власти, монументальная пропаганда – все эти «конформистские лаборатории» обеспечивали выработку автоматизмов мышления и поведения, «конформизацию и внутреннюю советизацию» населения (Яров, 2014, с. 154).

Способом осуществления проекта нового человека считалась культурная революция. Она включала множество направлений и инструментов конструирования советского человека, в том числе средствами системы образования и педагогических технологий (Ильюшенко, 2017, с. 455). Однако главной характеристикой участников и результатов культурной революции стала идеологическая ангажированность, лояльность коммунистической партии и ее вождям. Существуют разные подходы к оценке роли культурной революции в формировании нового человека. В ходе культурной революции произошли сдвиги в различных сферах: религия заменена идеологией, сформирована система образования и воспитания, созданы новый канон социалистического реализма в искусстве и массовая культура, сформирован механизм взаимодействия СМИ и общества по модели реализации государственно-идеологического заказа и др. Однако в оценках этих сдвигов авторы расходятся, есть позитивные оценки (Ершова, 2017), но есть и характеристика их противоречивости (Круглова, 2005). В качестве советского наследия характеризуется политико-правовой статус российского гражданина и его политическая культура (Фан, 2011, 2013).

Тем не менее остается ощущение тайны культуры сталинской эпохи. Для чего партийно-государственной элите нужна была такая политическая культура, которую наряду со сферами политики, образования, СМИ, науки и т. д. в сфере

искусства выражал канон соцреализма? Что скрывалось за риторикой героизации народных масс? Почему советские политические мифы оказались ложными для аналитиков культуры, но исторически устойчивыми для населения? Для ответа на эти вопросы необходим анализ направленности, механизмов конструирования, тиражирования и консервации сталинской политической культуры и ее действительного продукта – советского человека. Общей методологией исследования для нас является социология знания П. Бергера и Т. Лукмана (1995), анализирующая социальную соотносительность знания и социальной реальности, смысла и объективности. Этот подход позволяет раскрыть процесс конструирования социальной реальности в единстве тенденций объективации субъективных ценностей (идеалов, знания и т. д.) и субъективации объективного институционального порядка. Эффективен этот подход и при рассмотрении соотношения искусства (культуры) и действительности.

Результаты исследования

Способ конструирования социальной реальности хорошо виден на примере литературного процесса в СССР. Обобщая имеющиеся исследования, сформулируем принципы конструирования произведений советского искусства, составляющие канон социалистического реализма: 1) соответствие «морально-политического облика», характера и жизненного пути персонажей идеологическим задачам партии; 2) выражение постулатов сталинской идеологии с помощью мифологических конструкций и мифологизации героев; 3) деиндивидуализация героев; 4) создание иллюзии реального существования героев и расцвета социалистического строя.

Соцреалистический канон, ставший стержнем политической культуры сталинской эпохи, вырабатывался постепенно, акцентируя свою противоположность нормам буржуазного искусства. Он выполнял функции стабилизации, селекции и регулирования искусства (Гюнтер, 2000b, с. 281). Все виды и жанры искусства соцреализма выполняли государственно-идеологическую функцию воспитания массового индивида, но именно литературный роман давал образец положительного героя – главного элемента соцреализма. Путь положительного героя в советском романе, в соответствии с ленинской диалектикой развития общества, представлял собой движение от стихийности к сознательности – усвоению марксистско-ленинского учения в его сталинской трактовке. Сталинская культура была нацелена на внедрение образа положительного героя во все сферы общества, занимающиеся образованием, воспитанием, профессиональной подготовкой молодого поколения.

«Для сталинского времени характерна всеобщая иерархия воспитания – партия воспитывала критиков, критики – литераторов, литераторы – массы» (Гюнтер, 2000b, с. 285). К началу 1930-х гг. партия взяла на себя задачу создания единой народной культуры и принятия ее писателями, учредив Союз советских писателей и привилегии для его членов. Чиновники, назначенные на посты в Союзе в соответствии с логикой номенклатурной системы, управляли сообществом советских писателей, манипулируя доступом к жизненным благам (Хоскинг, 2012, с. 202). Литературный процесс представал как формирование все более унифицированных способов и технологий конструирования

героев-образцов, предназначенных для идентификации молодежи и народных масс, для управления их поведением. Идеологизированное искусство транслировало читателю и зрителю государственный заказ на конкретный тип массового индивида, обладающего нужным властью «морально-политическим обликом». Часть населения пыталась честно следовать этим образцам и установкам, чем и объясняется наличие советского патриотизма и энтузиазма. Однако усвоение данных образцов большинством населения наталкивалось на многочисленные противоречия декларируемых идеалов и повседневной жизни. Так в сознание массового индивида входили «двойные стандарты» поведения на публике и в личной жизни, различие официальных и теневых практик и отношений. Массовый индивид к началу 1930-х гг. не становился сознательным коммунистом. Возникновение соцреалистического канона связано с переориентацией государственной политики с задачи формирования социалистического общества и нового человека на задачу создания иллюзии их существования в настоящем. При этом социальная реальность, якобы отражаемая искусством соцреализма, им фактически искажалась. В новом герое требовалась предсказуемость, а не психологизм и сложность, персонаж должен быть либо положительным, либо отрицательным. Героя не искали в жизни, его конструировали в соответствии с постулатами идеологии, акцентируя руководящую роль партии в становлении героев. Литературная критика жестко ставила эту задачу, заставляя самых маститых авторов переписывать произведения.

Литературная критика стала хозяйкой литературного процесса, инструментом контроля над содержанием ценностей, творцом текстов культуры. Осуществляя руководящую роль в литературе, критики выработывали канон соцреализма как теорию и практику государственного искусства. От авторов требовалось писать с позиций зова будущего, из коммунизма, быть пропагандистами идей советского патриотизма, борцами с враждебными буржуазными ценностями. Считалось, что художник находится на посту сознательного служения народу, у него нет права на самовыражение. Сознательность неотделима от ответственности художника перед народом, партией, государством (Добренко, 2000, с. 420).

Еще одним принципом соцреализма являлась мифологизация героев. Основу сталинской политической культуры к середине 1930-х гг. составлял миф о советском обществе как великой семье. Ее главой был Сталин как отец всех народов, руководитель, вдохновитель и организатор побед. Рядом с ним находилась Родина-мать (страна, Москва), воплощающая эмоциональную теплоту к детям – героическим сыновьям и дочерям. Великая семья, общество и партия отождествлялись. История семьи представляла как историю смены иерархии отцов, абсолютно сознательных членов авангарда партии, и сыновей, стихийных положительных героев. Отцы (от Ленина к Сталину), как носители партийно-дисциплинированной сознательности, выступали по отношению к сыновьям в качестве наставников. Сталин воплощал принцип сознательности, а сыновья несли заряд стихийности (страсть к приключениям, политическую незрелость). Путем борьбы, испытаний и преодоления трудностей они должны были достичь сталинского сознания. Цель пути положительного героя была заранее определена сталинской идеологией, он должен достичь статуса сознательного коммуниста в служении коммунистической идеологии (вождю, партии, государству). Путь

героя от стихийности к сознательности символизировал движение общества к коммунизму как всеобщей сознательности. Героический миф в сталинской политической культуре выполнял функцию образца человека и его пути для молодежи. Герой – архетип культуры, конструируемой по мифологическим канонам. Архетип героя входил в ряд наиболее значимых архетипов советской культуры, таких как мудрый отец, Родина-мать, враг (Гюнтер, 2000а, с. 743–784).

Мифологизация, уже как подгонка исторических лиц и их судеб под мифологическую парадигму, являлась также одним из приемов конструирования героев. Прямые фальсификации и манипулирование историческими фактами оправдывались высокими целями пропагандирования нового героя и воспитания читателя. Еще одним приемом была деиндивидуализация – лишение героев индивидуальных черт и исторической конкретики. «Массовая идентификация с героем и подражание ему ставятся на службу выполнения государственных задач» (Гюнтер, 2000а, с. 750). Пангероизм институционализируется в целях мобилизации масс. Все сферы жизни превращаются в арену борьбы, фронты, на предприятиях инсценируются «военные походы», «битвы» и «победы». Обратной, неявной функцией пангероизма является стремление держать человека в инфантильном состоянии. Герои всегда – лишь сыновья, подчиняющиеся приказам отца. Культ героя связан с культом молодости, раздуванием инфантильного «Я», препятствующим взрослению и обретению самостоятельности.

Основная функция героического мифа и соцреалистических героев в сталинской культуре амбивалентна. В этом мифе заключена магия соблазна. По отношению к авторам (писателям, художникам и т. д.) миф действует как «соблазн приобщения» (Добренко, 1999; Жолковский, 1994) – и к великой цели строительства коммунизма (посредством сотворения героев), и к партии власти, и к государственной элите, обладающей значительными привилегиями. Потребителя искусства, массы, миф тоже соблазняет доступностью обретения власти, показывая им путь к господству (это фиксируют идеологемы «государство диктатуры пролетариата», «советская власть – власть рабочих и крестьян») через путь к коммунистической сознательности, похожий на путь сказочного героя. Герой сказки (как вариации мифа) спускается в царство мертвых, чтобы обрести новую жизнь. «Сказка» советского искусства стимулирует в герое готовность принести себя в жертву ради светлого будущего новых поколений. Происходит комбинирование идеологии и мифологии. Чтобы обрести власть, нужно стать одним из сознательных коммунистов, из которых состоит правящая партия. Но в то же время миф рисует предельно идеальные качества героя. Оказывается, что цель пути положительного героя недостижима, а потому иллюзорна. Сыну никогда не стать отцом. Так высвечивается действительная функция героического мифа в советской культуре – служить идеологии и вождю, манипулировать убеждениями и поведением масс, увлечь идентификацией с властью ради мобилизации на решение любых задач партии.

В сталинскую эпоху культивировались четыре категории героев: герои социалистического труда; воины Гражданской войны; политические деятели, представленные в публицистике и биографиях (образец – В.И. Ленин в некрологе А.М. Горького); герои-жертвы, воплощавшие готовность к самопожертвованию во имя задач партии и правительства (П. Власов в романе А.М. Горького «Мать», Н. Островский в романе «Как закалялась сталь») (Гюнтер, 2000а, с. 746). Качества

таких героев выступали ядром требований к советскому человеку, обязанному стать сознательным коммунистом.

Вычлениаются и элементы, из которых конструировали героев: 1) стереотипы мышления, заданные священными текстами сталинской идеологии; 2) язык советской риторики – клише, эпитеты, группы эпитетов, специфические метафоры (железа, стали и т.п.). Этот язык постепенно становился все более символическим, абстрактным, унифицированным, не предназначенным для передачи реальной информации о проблемах общества. Риторические штампы и клише о героях соотносились с риторикой пропаганды и идеологии. Закалка стали символизировала затверждение воли и тела героя, глава партии обладал железной волей вождя, партия и общество должны были образовать стальное единство. Функцию риторики в соцреалистическом романе выполняла пропаганда, а метафоры были призваны редуцировать сложности мировой истории к схеме движения от невежества к истине коммунизма как всеобщей сознательности (Кларк, 2000, с. 570). Путь положительного героя к обретению новой идентичности сознательного коммуниста символически подтверждал реальность прогресса общества, легальности и легитимности социализма.

Эпитеты, применявшиеся для характеристики положительного героя, включали стихийность, недисциплинированность, горячность, жизненную силу, улыбочивость. По мере движения к сознательности герой должен был становиться все более дисциплинированным и серьезным. Качества отца выражались такими эпитетами, как зрелый, сделанный по ленинской или сталинской модели, руководителем ленинского типа, который может проявлять отеческую заботу о простых людях. В 1930-е гг. отец из доброго дяди превращается в неподкупного, строгого, беспощадного к врагам, бдительного и сурового партийца с немигающим взглядом. Группы эпитетов – это различные формулы морально-политических добродетелей как меры стихийности или сознательности, их задача – показать политический рост героя к состоянию сознательного коммуниста, а общества – к коммунизму. Цель писателей сталинской эпохи – изобразить героя, соответствующего идеологической схеме, т.е. выполнить партийно-государственный заказ. При этом главное действующее лицо деиндивидуализируется, по сути, это образец сталинской телесности, а также «пучок мотивов, эпитетов и символических жестов» (Кларк, 2000, с. 580).

В целях усвоения данного идеала массами в постреволюционную и сталинскую эпохи систематически использовались психологические механизмы социального конструирования: цикличности, пассивного восприятия, систематического и избыточного тиражирования, эмоциональной вовлеченности, а также динамические, операционно-технические аспекты их реализации. Целью этого была социальная унификация развития перцептивных, мыслительных, эмоциональных паттернов функционирования членов культурно-исторического сообщества (Полякова, 2017, с. 688–689). Член сообщества с «социально обученным восприятием», лояльный по отношению к партийно-государственным требованиям, соответствовал социальной норме. На основе такого восприятия решения принимались автоматически, поскольку были подсказаны путем многократного тиражирования определенного социального опыта (пропаганды конкретных идей через СМИ, обучение, различные виды искусства и т.д.). Многократное стимулирование способствует формированию навыков и автоматизмов восприятия,

мышления, поведения. Перцептивные процессы запускают деятельность всех остальных психических функций. Результатом всей работы являются идеологические фильтры восприятия и осмысления происходящего и поведения людей.

Таким образом, культурная революция 1930–1950-х гг. трансформировала советскую политическую культуру в особый социальный конструктор. Культура была подчинена государственной доктрине формирования советского человека. Большевицкий режим должен был изменить статус подданных империи на статус граждан, поскольку провозгласил СССР в качестве союза республик. Однако советская политика освоения территорий союзных республик, по сути, продолжила колонизацию по имперскому образцу, с ее идеями миссионерства и цивилизаторства, учением о великой советской родине и единстве народов. Тем самым были возрождены идеи имперского, по сути, государства, но в обновленном идеологическом и риторическом формате. Из перспективы настоящего времени становится ясно, что, несмотря на завесу идеологии и пропаганды, в сталинское время *Homo Imperii* продолжил свое существование как *Homo Sovieticus* (Ланца, 2017, с. 673). Эта перспектива дает возможность выделить скрытые в прошлом характерные интенции и черты сталинской культуры.

Специфика сталинской культурной революции состоит в коренном изменении отношения искусства и действительности (Круглова, 2005, с. 84). Искусство перестало отражать реальность и принялось за ее сокрытие и создание иллюзий. Причина такой смены – распространившееся в начале 1930-х гг. ощущение массами и элитами неудачи антропологического эксперимента. Власти отреагировали на это, во-первых, Большим террором – не столько более радикальным способом переделки человека, сколько обращением к насилию как более эффективному средству сохранения власти под прикрытием идеологии и пропаганды. Во-вторых, стимулированием развития массовой культуры. Культура начала строиться на всеобщем обмане (об исключительности советского образа жизни, уникальности советского человека), чтобы не раскрыть ее тайну, ее превратили в тоталитарную и массовую. Это сопровождалось деиндивидуализацией и деавтономизацией личности, уничтожением автономии любых сфер общественной жизни и культуры. Усилия были перенесены на создание иллюзии наступления социализма. Благодаря возможностям культурной индустрии XX в. искусство сталинской эпохи научилось создавать высокоэффективные иллюзии в кино, литературе, архитектуре и т. д. Искусство стало способом театрализации и ритуализации жизни, распространения иллюзорных способов самоописания общества и идентификации индивида. Отсюда любовь власти к массовым шествиям, военным парадам, демонстрациям, празднествам, похоронам – все для зрелища и видимости политической вовлеченности масс.

В советской массовой культуре, как пространстве применения манипулятивных технологий принуждения к лояльности, распространялось искусство приспособления к меняющимся требованиям власти, к постоянной новизне. Безусловной ценностью стала культурность как программа правильного поведения на публике, как возможность повышения социального статуса. Формой субъектности для бывших крестьян стала культурность как сознательность (Круглова, 2005, с. 92–93). В результате появился средний советский человек и как потребитель художественных произведений, и как их автор. Сначала правящий класс, а затем и массы начали ориентироваться на идеал культурного человека, вклю-

чающий требования личной гигиены, занятия физической культурой, культуры труда и досуга и т. п. Но главным требованием была сознательность.

Заключение

Отталкиваясь от идей В. Подороги (2010), можно сделать вывод, что в системе государственного управления культурой в данную эпоху просматривается некая мегамашина, социокультурный конструктор, скрытый от публики. Сталинская политическая культура, формируемая структурами партии, пронизывающими органы государства, экономику, образование, науку, СМИ, искусство, право, действовала как машина конструирования героя в целях воспитания, т. е. мобилизации массового индивида. На производство какого типа индивида был нацелен этот конструктор как совокупность социальных, политических, культурных, педагогических, репрессивных и соблазняющих технологий? На индивида, обладающего ориентацией на коллектив (и зависимостью от коллектива и его руководителя), идейностью – стремлением воплотить в жизнь пропагандируемые коммунистические идеалы, оптимизмом и верой в достижение поставленных целей; социальной ответственностью (страхом), сознательностью – способностью подчинять свое поведение контролю сознания, трудолюбием, бескорыстием, патриотизмом, чувством гордости за государство, которому служит. Однако на практике данный конструктор не был полностью воплощен, поскольку образ человека, предназначенный для идентификации каждого советского гражданина, представлял собой утопию. Культура была превращена в конструктор иллюзий, в том числе и образа героя как фикции существования нового человека. Сталинская мегамашина была нацелена на тотальный охват общества, но фактически цель была выполнена лишь частично. Поскольку ее «настройки» исключали учет реальности и реального человека и были ориентированы на производство нужного государству человека из имеющегося «человеческого материала», постольку ее результаты оказались не соответствующими целям, а в ее тотальности периодически возникали разрывы. Мегамашина культуры в конечном итоге произвела на свет тип амбивалентного советского человека.

Советская культура с ее явным и неявным, формальным и неформальным символическим содержанием была нацелена на массовое производство рабочей и военной силы по идеальному образцу сознательного коммуниста. Но в реальности сформировался человек советский, мотивируемый на выживание, изменчивый, манипулируемый, подавляющий собственное мнение и индивидуальность, инфантильный, лукавый. Советское общество сформировало специфическое распределение человеческих типов, придав доминирующее значение типу человека с двоемысленными критериями ценностей, фрустрированного, неспособного менять условия собственного бытия (Левада, 1993, с. 267). Советскому человеку были присущи адаптивная мораль, моральный релятивизм, идеологические лозунги он компенсировал повседневноым двоемыслием (Гудков, 2004, с. 430), оправданием действий власти и уклонением от них.

Сталинская культура как часть советской системы управления массами была эффективным прикрытием истинных намерений власти. Конструируя «героя», культура не принимала в расчет реального индивида с его потребностями, желаниями, интересами, волей, политическими и моральными ценностями. Для

государственных деятелей массовый индивид был лишь расходным (строительным) материалом, пластилином, из которого по образцу героев они пытались лепить сознательных коммунистов. Такой индивид должен был быть «всегда готовым» к «труду и обороне», причем бескорыстным и жертвенным. Презрение к реальности и реальному человеку обернулось плачевными результатами советской социальной инженерии – незавершенной социальной, экономической, политической модернизацией, неоконченной культурной революцией и формированием противоречивого человеческого типа – советского человека. Советский человек как спящее наследие – его ритуализированная политическая активность (участие в парадах и демонстрациях) и вынужденная индивидуальная пассивность, двоемыслие, лицемерие – присутствует и в российском массовом индивиде сегодня.

Подход к человеку, реализованный в культуре сталинской эпохи, называют негативной антропологией, поскольку табуировались не отдельные формы жизни людей, но абстрактный универсальный субъект – человеческое как таковое (Смирнов, 2000, с. 17). Существовал негласный запрет быть человеком: любой человек находился под подозрением и подлежал наказанию. Но что именно было запрещено и почему, составляло тайну. Скрытность, секретность и бдительность были обязанностью всех граждан. «В сталинской империи место универсального субъекта захватил строитель «социализма в одной отдельно взятой стране», человек этатический (с. 19). Огосударствленная культура не допускала никакого договора или обмена, никаких прав индивида или обязанностей государства, требуя от рядового человека исключительной самоотверженности.

Можно ли назвать комплекс черт политической культуры общества и отдельного индивида сталинской эпохи, составляющий коммунистическую сознательность, советским типом гражданственности? Нельзя, поскольку термин «гражданственность» не употреблялся в официальном дискурсе того времени в силу сохраняющейся памяти об его употреблении русскими либералами и демократами дореволюционной эпохи, которые акцентировали в нем значение активного политического участия гражданина. Можно, если оценивать коммунистическую сознательность с точки зрения формальной структуры политической культуры. Нужно лишь понимать, что это идеологизированная, риторическая, военно-патриотическая, пассивная гражданственность, в ней реализован партийно-государственный заказ на лояльного власти советского гражданина, статус которого не предполагает реализацию гражданских и политических прав. Такая гражданственность тождественна подданническому сознанию и поведению.

Список литературы

1. Баранов, А.В. (2017). Термидор в системе общественных ожиданий нэповского общества (по материалам информационных обзоров ОГПУ). В Л.Н. Мазур (Ред.), *Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований* (с. 617–624). Екатеринбург: Издательство Уральского университета.
2. Бергер, П., Лукман, Т. (1995). *Социальное конструирование реальности:*

Трактат по социологии знания. М.: Медиум.

3. Булдаков, В.П. (2012). *Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920–1930 гг.* М.: РОССПЭН.

4. Гудков, Л. Д. (2004). *Негативная идентичность.* М.: Новое литературное обозрение; ВЦИОМ-А.

5. Гюнтер, Х. (2000а). Архетипы советской культуры. В Х. Гюнтер, Е. Добренко (Ред.), *Соцреалистический канон* (с. 743–984). СПб.: Академический проект.

6. Гюнтер, Х. (2000б). Жизненные фазы соцреалистического канона. В Х. Гюнтер, Е. Добренко (Ред.), *Соцреалистический канон* (с. 281–288). СПб.: Академический проект.

7. Добренко, Е. (1999). *Формовка советского писателя. Социальные и эстетические истоки советской литературной культуры.* СПб.: Академический проект.

8. Добренко, Е. (2000). Литературная критика: Поздний сталинизм. В Х. Гюнтер, Е. Добренко (Ред.), *Соцреалистический канон* (с. 390–433). СПб.: Академический проект.

9. Ершова, Г.Г. (2017). Культурная революция как механизм трансформации общества. В Л.Н. Мазур (Ред.), *Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований* (с. 381–388). Екатеринбург: Издательство Уральского университета.

10. Жолковский, А.К. (1994). *Блуждающие сны и другие работы.* М.: Наука; Восточная литература.

11. Журавлев, С.В., Мухин, М.Ю. (2004). «Крепость социализма»: *Повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928–1938 гг.* М.: РОССПЭН.

12. Ильющенко, Н.С. (2017). Конструирование «советского человека» средствами педагогической технологии. В Л.Н. Мазур (Ред.), *Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований* (с. 453–460). Екатеринбург: Издательство Уральского университета.

13. Калинин, И. (2012). Угнетенные должны говорить: массовый призыв в литературу и формирование советского субъекта, 1920 – начало 1930-х годов. В А. Эткин, Д. Уффельман, И. Кукулин (Ред.), *Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России* (с. 587–663). М.: Новое литературное обозрение.

14. Карлтон, Г. (2000). На похоронах живых: теория «живого человека» и формирование героя в раннем соцреализме. В Х. Гюнтер, Е. Добренко (Ред.), *Соцреалистический канон* (с. 339–351). СПб.: Академический проект.

15. Кларк, К. (2000). Положительный герой как вербальная икона. В Х. Гюнтер, Е. Добренко (Ред.), *Соцреалистический канон* (с. 569–584). СПб.: Академический проект.

16. Козлова, Н.Н. (1996). *Горизонты повседневности советской эпохи: Голоса из хора.* М.: Институт философии РАН.

17. Колеров, М.А. (2017). *Сталин: от Фихте к Берия: Очерки по истории языка сталинского коммунизма.* М.: Модест Колеров.

18. Круглова, Т.А. (2005). *Советская художественность, или Нескромное*

обаяние соцреализма. Екатеринбург: Издательство Гуманитарного университета.

19. Кур-Королев, К. (2011). Новый человек, или социальная инженерия при сталинизме: некролог по мечтам о новом человеке. В *История сталинизма: итоги и проблемы изучения: Материалы международной научной конференции (5–7 декабря 2008 г., Москва)* (с. 372–377). М.: РОССПЭН.

20. Ланца, Д. (2017). От человека имперского до человека советского: долгий путь антропологической науки в России XX века в поиске новой национальной идентичности. В Л.Н. Мазур (Ред.), *Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований* (с. 669–675). Екатеринбург: Издательство Уральского университета.

21. Левада, Ю.А. (Ред.). (1993). *Советский простой человек*. М.: Мировой океан.

22. Нарский, И.В. (2001). *Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг.* М.: РОССПЭН.

23. Никандров, А.В. (2020). Сталин и языкознание: политический смысл лингвистической дискуссии 1950 года. *История. Научное обозрение OSTKRAFT*, (2–3), 91–178.

24. Осокина, Е.А. (1999). *За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941*. М.: РОССПЭН.

25. Подорога, В. (2010). Номо ех machina. Авангард и его машины. Эстетика новой формы. *Логос*, (1), 22–50.

26. Полякова, И.В. (2017). Психологические механизмы социального конструирования. В Л.Н. Мазур (Ред.), *Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований* (с. 688–692). Екатеринбург: Издательство Уральского университета.

27. Поршнева, О.С. (2017). Новый человек как компонент революционного советского проекта: ключевые проблемы изучения в современной историографии. В Л.Н. Мазур (Ред.), *Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований* (с. 6–19). Екатеринбург: Издательство Уральского университета.

28. Прохоров, А.П. (2013). *Русская модель управления*. М.: Издательство Студии Артемия Лебедева.

29. Садовский, Я. (2017). Сталинизм как следствие гибели утопии. В Л.Н. Мазур (Ред.), *Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований* (с. 389–399). Екатеринбург: Издательство Уральского университета.

30. Синявский, А.Д. (2002). *Основы советской цивилизации*. М.: Аграф.

31. Скоробогачкий, В.В. (2014). *Безвременье и время философии*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета.

32. Скоробогачкий, В.В. (2021). *Советское: генезис, расцвет, пути его трансформации в посткоммунистическую эпоху*. Екатеринбург-СПб.: Алетейя.

33. Смирнов, И. (2000). Соцреализм: антропологическое измерение. В Х. Гюнтер, Е. Добренко (Ред.), *Соцреалистический канон* (с. 16–31). СПб.: Академический проект.

34. Фан, И.Б. (2011). Апатия вместо жажды. Свобода и справедливость в жизни российского гражданина. *Научный ежегодник Института философии*

и права УрО РАН, (11), 270–283.

35. Фан, И.Б. (2013). Политическое участие в России: исключение «под прикрытием» включения. *Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН*, 13(1), 67–82.

36. Хоскинг, Д. (2012). *Правители и жертвы. Русские в Советском Союзе*. М.: Новое литературное обозрение.

37. Эткинд, А. (2014). *Внутренняя колонизация. Имперский опыт России*. М.: Новое литературное обозрение.

38. Яров, С.В. (2014). *Человек перед лицом власти. 1917–1920-е годы*. М.: РОССПЭН.

References

1. Baranov, A. V. (2017). Termidor v sisteme obshchestvennykh ozhidaniy nepovskogo obshchestva (po materialam informatsionnykh obzorov OGPU) [Thermidor in the system of public expectations of the NEP society]. In L. N. Mazur (Ed.), *Epokha sotsialisticheskoy rekonstruktsii: idei, mify i programmy sotsial'nykh preobrazovaniy* (pp. 617–624). Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.

2. Berger, P., & Luckmann, T. (1995). *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti: Traktat po sotsiologii znaniya* [The social construction of reality: A treatise on the sociology of knowledge]. Moscow: Medium.

3. Buldakov, V. P. (2012). *Utopiya, agressiya, vlast'. Psikhosotsial'naya dinamika postrevoliutsionnogo vremeni. Rossiya, 1920–1930 gg.* [Utopia, aggression, power. Psychosocial dynamics of the post-revolutionary time. Russia, 1920–1930]. Moscow: ROSSPEN.

4. Clark, K. (2000). Polozhitel'nyy geroj kak verbal'naya ikona [Positive hero as a verbal icon]. In H. Giunter, & E. Dobrenko (Eds.), *Sotsrealisticheskij kanon* (pp. 569–584). Saint Petersburg: Akademicheskij proekt.

5. Dobrenko, E. (1999). *Formovka sovetskogo pisatelya. Social'nye i esteticheskie istoki sovetskoy literaturnoy kul'tury* [The making of the Soviet writer. Social and aesthetic origins of Soviet literary culture]. Saint Petersburg: Akademicheskij proekt.

6. Dobrenko, E. (2000). Literaturnaia kritika: Pozdnyy stalinizm [Literary Criticism: Late Stalinism]. In H. Giunter, & E. Dobrenko (Eds.), *Sotsrealisticheskij kanon* (pp. 390–433). Saint Petersburg: Akademicheskij proekt.

7. Ershova, G. G. (2017). Kul'turnaia revoliutsiya kak mekhanizm transformatsii obshchestva [Cultural revolution as a mechanism for the transformation of society]. In L. N. Mazur (Ed.), *Epokha sotsialisticheskoy rekonstruktsii: idei, mify i programmy sotsial'nykh preobrazovaniy* (pp. 381–388). Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.

8. Etkind, A. (2014). *Vnutrenniaia kolonizatsiya. Imperskiy opyt Rossii* [Internal colonization. Russia's imperial experience]. Moscow: Noye literaturnoe obozrenie.

9. Fan, I. B. (2011). Apatiya vmesto zhazhdy. Svoboda i spravedlivost' v zhizni rossiiskogo grazhdanina [Apathy instead of thirst. Freedom and justice in the life of a Russian citizen]. *Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava UrO RAN*, (11), pp. 270–283.

10. Fan, I.B. (2013). Politicheskoe uchastie v Rossii: iskluchenie “pod prikrityem” vklucheniia [Political participation in Russia: Exclusion “under cover” of inclusion]. *Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava UrO RAN*, 13(1), 67–82.
11. Gudkov, L.D. (2004). *Negativnaia identichnost’* [Negative identity]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; VTsIOM-A.
12. Gunter, H. (2000a). Arkhetipy sovetsoj kul’tury [Archetypes of Soviet culture]. In H. Gunter, & E. Dobrenko (Eds.), *Sotsrealisticheskij kanon* (pp. 743–984). Saint Petersburg: Akademicheskij proekt.
13. Gunter, H. (2000b). Zhiznennye fazy sotsrealisticheskogo kanona [Life phases of the socialist realist canon]. In H. Gunter, & E. Dobrenko (Eds.), *Sotsrealisticheskij kanon* (pp. 281–288). Saint Petersburg: Akademicheskij proekt.
14. Hosking, G. (2012). *Praviteli i zhertvy. Russkie v Sovetskom Soiuze* [Rulers and victims. The Russians in the Soviet Union]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
15. Ilyushenko, N.S. (2017). Konstruirovanie “sovetskogo cheloveka” sredstvami pedagogicheskoi tekhnologii [Construction of the “Soviet man” by means of pedagogical technology]. In L.N. Mazur (Ed.), *Epokha sotsialisticheskoi rekonstruktsii: idei mify i programmy sotsial’nykh preobrazovanij* (pp. 453–460). Ekaterinburg: Izdatel’stvo Ural’skogo universiteta.
16. Kalinin, I. (2012). Ugnennyye dolzhny govorit’: massovyy prizyv v literaturu i formirovanie sovetskogo sub”ekta, 1920 – nachalo 1930-kh godov [The oppressed must speak: The mass appeal to literature and the formation of the soviet subject, 1920s – early 1930s]. In A. Etkind, D. Uffelmann, & I. Kukulin (Eds.), *Tam, vnutri. Praktiki vnutrennej kolonizatsii v kul’turnoj istorii Rossii* (pp. 587–663). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
17. Karlton, G. (2000). Na pokhoronakh zhivyykh: teoriia “zhivogo cheloveka” i formirovanie geroia v rannem sotsrealizme [At the funeral of the living: The theory of the “living person” and the formation of the hero in early socialist realism]. In H. Gunter, & E. Dobrenko (Eds.), *Sotsrealisticheskij kanon* (pp. 339–351). Saint Petersburg: Akademicheskij proekt.
18. Kolerov, M.A. (2017). *Stalin: ot Fikhte k Beriia: Ocherki po istorii iazyka stalinskogo kommunizma* [Stalin: From Fichte to Beria: Essays on the history of the language of Stalinist Communism]. Moscow: Modest Kolerov.
19. Kozlova, N.N. (1996). *Gorizonty povsednevnosti sovetskoi e’poxi: Golosa iz xora* [Horizons of everyday life of the Soviet era: Voices from the choir]. Moscow: Institut filosofii RAN.
20. Kruglova, T.A. (2005). *Sovetskaia khudozhestvennost’, ili Neskromnoe obaianie sotsrealizma* [The Soviet artistry, or the indiscreet charm of Socialist realism]. Ekaterinburg: Izdatel’stvo Gumanitarnogo universiteta.
21. Kuhr-Korolev, C. (2011). Novyj chelovek, ili sotsial’naia inzheneriia pri stalinizme: nekrolog po mechtam o novom cheloveke [The new man, or Social engineering under Stalinism]. In *Istoriia stalinizma: itogi i problemy izucheniia* (pp. 372–377). Moscow: ROSSPEN.
22. Lantsa, D. (2017). Ot cheloveka imperskogo do cheloveka sovetskogo: dolgij put’ antropologicheskoi nauki v Rossii XX veka v poiske novoi natsional’noj identichnosti [From the imperial man to the soviet man: The long way of anthropological science in Russia of the 20th century in search of a new national identity]. In L.N. Mazur (Ed.), *Epokha sotsialisticheskoi rekonstruktsii: idei mify*

i programmy sotsial'nykh preobrazovanij (pp. 669–675). Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.

23. Levada, Yu. A. (Ed.). (1993). *Sovetskij prostoj chelovek* [Soviet common man]. Moscow: Mirovoj okean.

24. Narskij, I. V. (2001). *Zhizn' v katastrofe: Budni naseleniya Urala v 1917–1922 gg.* [Life in a catastrophe: Everyday life of the population of the Urals in 1917–1922]. Moscow: ROSSPEN.

25. Nikandrov, A. V. (2020). Stalin i iazykoznanie: politicheskij smysl lingvisticheskoy diskussii 1950 goda [Stalin and linguistics: The political meaning of the 1950 linguistic debate]. *Istoriia. Nauchnoe obozrenie OSTKRAFT*, (2–3), 91–178.

26. Osokina, E. A. (1999). *Za fasadom “stalinskogo izobilija”*: *Raspredelenie i rynek v snabzhenii naseleniya v gody industrializacii. 1927–1941* [Behind the facade of “Stalin’s abundance”: Distribution and the market in the supply of the population during the years of industrialization. 1927–1941]. Moscow: ROSSPEN.

27. Podoroga, V. (2010). Homo ex machina. Avangard i ego mashiny. Estetika novoi formy [Homo ex machina. Vanguard and its machines]. *Logos*, (1), 22–50.

28. Poliakova, I. V. (2017). Psikhologicheskie mekhanizmy sotsial'nogo konstruirovaniia [Psychological mechanisms of social construction]. In L. N. Mazur (Ed.), *Epokha sotsialisticheskoy rekonstruktsii: idei mify i programmy sotsial'nykh preobrazovanij* (pp. 688–692). Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.

29. Porshneva, O. S. (2017). Novyi chelovek kak komponent revoliutsionnogo sovetskogo proekta: kliuchevye problemy izuchenii v sovremennoj istoriografii [The new person in the revolutionary Soviet project: Key problems of modern historiography]. In L. N. Mazur (Ed.), *Epokha sotsialisticheskoy rekonstruktsii: idei mify i programmy sotsial'nykh preobrazovanij* (pp. 6–19). Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.

30. Prokhorov, A. P. (2013). *Russkaya model' upravleniya* [Russian management model]. Moscow: Izdatel'stvo Studii Artemiya Lebedeva.

31. Sadowski, Ja. (2017). Stalinizm kak sledstvie gibeli utopii [Collapse of the utopia as a cause of Stalinism]. In L. N. Mazur (Ed.), *Epokha sotsialisticheskoy rekonstruktsii: idei mify i programmy sotsial'nykh preobrazovanij* (pp. 389–399). Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.

32. Sinyavskij, A. D. (2002). *Osnovy sovetskoj civilizacii* [Foundations of Soviet civilization]. Moscow: Agraf.

33. Skorobogackij, V. V. (2014). *Bezvremen'e i vremya filosofii* [Timelessness and the time of philosophy]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.

34. Skorobogackij, V. V. (2021). *Sovetskoe: genesis, rascvet, puti ego transformacii v postkommunisticheskuyu e'poxu* [The Soviet: genesis, blossoming, ways of its transformation in the post-Communist era]. Ekaterinburg & Saint Petersburg: Aletejya.

35. Smirnov, I. (2000). Sotsrealizm: antropologicheskoe izmerenie [Socialist realism: Anthropological dimension]. In H. Gunter, & E. Dobrenko (Eds.), *Sotsrealisticheskij kanon* (pp. 16–31). Saint Petersburg: Akademicheskij proekt.

36. Yarov, S. V. (2014). *Chelovek pered litsom vlasti. 1917–1920-e gody* [Man in the face of power. 1917–1920s]. Moscow: ROSSPEN.

37. Zholkovskij, A. K. (1994). *Bluzhdayushhie sny i drugie raboty* [Wandering dreams and other works]. Moscow: Nauka & Vostochnaya literatura.

38. Zhuravlev, S. V., & Mukhin, M. Yu. (2004). “*Krepost’ socializma*”: *Povsednevnost’ i motivaciya truda na sovetskom predpriyatii, 1928–1938 gg.* [“Fortress of Socialism”: Everyday life and labor motivation in a Soviet enterprise, 1928–1938.] Moscow: ROSSPEN.

Информация об авторе

Ирина Борисовна Фан, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1816-9245>, e-mail: Irina-fan@yandex.ru

Information about the author

Irina Borisovna Fan, Doctor of Political Sciences, Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1816-9245>, e-mail: Irina-fan@yandex.ru